

Твен Марк

**Американские рассказы,
собранные Марком Твэном**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Марк Т.**
Американские рассказы, собранные Марком Твэном / Твен Марк – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 143 с.

ISBN 978-5-519-76403-2

Содержание: Людоеды на железной дороге / Марка Твэна. Рассказ о том,
как я убил медведя / Чарльза Дедлея Вернера. Самый дурной человек и самый
глупый человек в Турции / Самуэль Кокс. Замечательное крушение "Томаса
Хайка" / Ричарда Стоктона. Новый род крупы / Марка Твэна. Рип Ван-Винкль
/ Вашингтона Ирвинга. Затеряны в снегу / Марка Твэна

ISBN 978-5-519-76403-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Людоѣды на желѣзно-дорожномъ поѣздѣ.

Разсказъ Марка Твэна.

Посѣтивъ Сень-Луи, я возвращался на западъ; мы только что пересѣли на другой поѣздъ въ Индіанѣ, какъ на одной изъ станцій вошелъ въ вагонъ пожилой джентльмэнъ лѣтъ пятидесяти, очень почтенной наружности, и занялъ мѣсто рядомъ со мной. Какъ водится, мы сейчасъ же познакомились. Цѣлый часъ мы протолковали съ нимъ о томъ, о семъ; я нашелъ его чрезвычайно умнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Узнавъ, что я изъ Вашингтона, онъ сталъ спрашивать меня про общественныя дѣла, про конгрессъ, и я вскорѣ убѣдился, что онъ близко знакомъ съ по-

литической жизнью столицы, и даже изучилъ до мелочей привычки и характеры сенаторовъ и представителей палатъ. На слѣдующей станціи двое какихъ-то людей остановились, разговаривая у окна нашего вагона, и одинъ изъ нихъ проговорилъ между прочимъ.

— Ну, Гаррисъ, голубчикъ, если ты это для меня сдѣлаешь, я весь вѣкъ тебѣ буду благодаренъ!

Глаза моего спутника радостно заблестали. Очевидно, эти слова пробудили въ немъ какое-то пріятное воспоминаніе. Но скоро лицо его омрачилось, глаза задумчиво уставились въ даль.

— Позвольте мнѣ рассказать вамъ одно происшествіе, замѣчательный эпизодъ изъ моей жизни. Слушайте внимательно и общайтесь не перебивать меня.

Я, конечно, общалъ и онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее странное приключеніе; говорилъ онъ съ воодушевленіемъ, порою съ оттѣнкомъ грусти, но вообще рѣчь его была проникнута торжественной серьезностью.

Разсказъ незнакомца.

19-го декабря 18.. года, я выѣхалъ изъ Сентъ-Луи на желѣзно-дорожномъ поѣздѣ въ Чикаго. Насъ было всего 24 пассажира, исключительно мужчины. Всѣ мы были въ отличномъ расположеніи духа и тотчасъ же между нами завязались пріятныя знакомства. Путешествіе обѣщало быть очень веселымъ; никто изъ насъ конечно и не подозревалъ тѣхъ ужасовъ, которые намъ суждено было пережить.

Въ 11 часовъ вечера началъ валить снѣгъ. Миновавъ небольшое селеніе Вельденъ, мы вступили въ необъятную, безлюдную пустыню прерій, которыя тянутся далеко, далеко по направленію къ Поселеніямъ Юбилея. Вѣтеръ, не встрѣчая по пути никакихъ препятствій, ни домовъ, ни деревьевъ, ни даже скалъ, свирѣпо бушевалъ по обнаженной равнинѣ, гоня передъ собою снѣжную мять, какъ волны на бурномъ океанѣ. Сугробы снѣгу росли съ невѣроятной быстротой и, судя по замедленному ходу поѣзда, можно было догадаться, что паровикъ съ великимъ трудомъ

прокладываетъ себѣ путь. По временамъ машина почти совсѣмъ останавливалась среди высокихъ заносовъ, которые, какъ могильные холмы, громоздились на пути. Разговоры затихли. Веселость уступила мѣсто тревожной задумчивости; каждого изъ пассажировъ страшила мысль застрять въ снѣгу пустынныхъ прерій въ пятидесяти миляхъ отъ людского жилья.

Въ два часа ночи я очнулся отъ тревожной дремоты, почувствовавъ, что движеніе поѣзда совершенно прекратилось. Страшная истина какъ молнія мелькнула въ моей головѣ: мы погребены въ снѣгу! Раздался крикъ:

— Всѣ за работу!

Пассажиры вскочили и бросились вонъ. Среди этой ненастной ночи, въ потемкахъ, при уныло завывающей мятели, всѣ сердца трепетали, сознавая, что теперь каждая потерянная минута можетъ принести намъ гибель. Лопаты, руки, доски, все, что только могло служить для разчистки пути, было пущено въ ходъ. Мрачная это была картина, доложу вамъ: небольшая кучка людей боролась съ снѣжными заносами, наполовину утопая въ густомъ мракѣ, на-

половину освѣщенная рѣзкимъ свѣтомъ локомотивнаго рефлектора.

Не прошло и часу, какъ мы ясно убѣдились въ бесполезности нашихъ усилій. Мятель постепенно заносила путь, по мѣрѣ того какъ мы его расчищали. Къ довершенію бѣды,—мы узнали, что въ послѣднемъ отчаянномъ натискѣ машины на сугробы сломался стержень у передаточнаго колеса. Еслибъ даже путь былъ свободенъ и тогда мы оказались бы въ безпомощномъ положеніи. Измученные, обезкураженные, грустные, мы вернулись въ вагонъ и, столпившись у печки, серьезно принялись обсуждать наше положеніе. Провизіи у насъ не было съ собой—въ этомъ-то и заключалось наше главное несчастіе. Замерзнуть мы не могли—въ тендерѣ былъ хорошій запасъ дровъ. Это наше единственное утѣшеніе. Кондукторъ утверждалъ, что всякая попытка идти пѣшкомъ въ снѣжную мятель за пятьдесятъ миль окончилась бы смертию. Итакъ, мы не могли послать за помощью, да еслибъ и могли, никто бы не въ состояніи былъ идти къ намъ на выручку. Слѣдовательно надо покориться и ждать терпѣливо—спасенія или голодной

смерти! Самые смѣлые изъ насъ похолодѣли отъ ужаса, услыхавъ такой приговоръ.

Черезъ часъ бесѣда совсѣмъ смолкла: на дворѣ необузданно бушевала буря и пронзительно свисталъ вѣтеръ; лампы потускнѣли; большинство несчастныхъ уныло прикурнули въ уголкахъ вагона, стараясь забыть ужасную дѣйствительность и заснуть.

Долгая зимняя ночь, показавшаяся намъ нескончаемой, наконецъ миновала; на востокѣ занялся разсвѣтъ пасмурнаго дня. Пассажиры начали шевелиться и подавать признаки жизни; одинъ за другимъ они сдвигали со лба нахлобученныя шляпы, потягивались и выглядывали въ окна на безотрадное зрѣлище. И дѣйствительно, безотраднѣе трудно было себѣ представить: кругомъ ни жилья, ни человѣческаго существа—одна безбрежная, бѣлая пустыня и тучи снѣговой пыли, вздымаемая вихремъ.

Весь день мы бродили по вагонамъ, говорили мало, но думали много. Еще одна долгая, мучительная ночь и затѣмъ голодъ...

Еще разъ занялась заря, еще миновалъ

день, молчаливый, полный грусти, мучительнаго голода и безнадежных терзаній,—помощь не являлась и не могла явиться. Ночью тревожная дремота, заманчивыя сновидѣнія о пирахъ и вкусныхъ кушаньяхъ, а поутру пробужденіе съ болѣзненнымъ нытьемъ пустого желудка...

Наступили четвертые сутки и миновали, затѣмъ пятые! Пять сутокъ ужаснаго плѣна! Свирѣпый голодъ свѣтился въ глазахъ пассажировъ. Предчувствовалось нѣчто ужасное; въ душѣ у cadaго изъ насъ смутно шевелилась роковая мысль, но никто еще не смѣлъ высказать ее.

Миновалъ шестой день; седьмой засталъ насъ въ страшномъ состояніи:—блѣдные, изможденные, съ дико блуждающими глазами и печатью смерти на лицахъ. Все конечно! Тайная мысль, созрѣвавшая у cadaго изъ насъ, должна наконецъ вырваться наружу. Довольно переламывали мы природу: она должна вступить въ свои права. Ричардъ Гастонъ изъ Миннесоты—высокій, блѣдный мужчина, съ ввалившимися какъ у мертвеца глазами, поднялся съ мѣста. Всѣ догадывались, что будетъ дальше и приготовились слушать — только дикость

во взорѣ уступила мѣсто спокойной серьезности.

— Господа, долѣе невозможно откладывать. Пришла пора! Мы должны рѣшить, кто изъ насъ умретъ, чтобы доставить пищу остальнымъ!

Всталъ м-ръ Джонъ Уилльямсъ изъ Иллинойса и сказалъ:

— Господа, я подаю голосъ за преподобнаго Джэмса Сойера изъ Теннесси.

М-ръ Адамсъ изъ Индіаны предложилъ м-ра Даніэля Слота изъ Нью-Йорка.

М-ръ Чарльзъ Лангдонъ указалъ на м-ра Самуэля Боуена изъ Сентъ-Луи.

м-ръ слотъ. Господа, я отклоняю отъ себя честь избранія въ пользу м-ра Джона Ванъ-Ностранда изъ Новаго Джерсея.

м-ръ гастонъ. Если не встрѣтится возраженій, то желаніе джентльмэна будетъ уважено.

Но такъ какъ м-ръ Нострандъ энергично запротестовалъ, то отреченіе м-ра Слота было отвергнуто. Точно также были представлены отреченія со стороны м-ровъ Сойера и Боуена и отвергнуты на тѣхъ же основаніяхъ.

м-ръ баскольмъ изъ огайо. Я предла-

гаю, чтобы палата приступила къ выборамъ по баллотировкѣ.

м-ръ сойеръ. Господа, я серьезно протестую противъ подобной процедуры. Помоему, она неправильна и неудобна. Предлагаю избрать предсѣдателя митинга и товарищей ему на помощь, тогда мы можемъ дѣльно обсудить вопросъ.

м-ръ белль изъ отавы. Джентльмэны, я протестую. Теперь не время соблюдать формальности и церемоніи. Вотъ уже болѣе семи сутокъ, какъ мы сидимъ безъ всякой пищи. Каждая минута, потерянная на праздныя разсужденія, усиливаетъ наши страданія. Я вполне доволенъ сдѣланными назначеніями и полагаю, всѣ здѣсь присутствующіе также довольны. Я желаю внести резолюцію...

м-ръ нострандъ. Джентльмэны, я чужой между вами; я не добивался такого отличія и изъ чувства деликатности....

Тѣмъ не менѣе проектъ о назначеніи комиссіи былъ приведенъ въ исполненіе. Пренія были быстро закончены, м-ра Гастона выбрали предсѣдателемъ, м-ра Блэка секретаремъ, м-ровъ Галькомба и Бальвина членами.

Затѣмъ наступилъ получасовой перерывъ. По звуку молотка митингъ собрался снова и комитетъ предложилъ кандидатами для жертвоприношенія: Джорджа Фергюссона изъ Кентукки, Люсьена Германна изъ Лузіаны и Мессика изъ Колорадо.

М-ръ Роджерсъ изъ Миссури попросилъ слова.

— Г. Президентъ, началъ онъ, я желалъ бы внести поправку на вышеупомянутую резолюцію, съ тѣмъ, чтобы м-ра Германна замѣнить м-ромъ Луціусомъ Гаррисомъ изъ Сенъ-Луи, человѣкомъ хорошо намъ извѣстнымъ и всѣми уважаемымъ. Разумѣется, я далекъ отъ мысли набрасывать тѣнь на почтенную личность и характеръ джентльмена изъ Лузіаны, я самъ уважаю и почитаю его наравнѣ съ другими. Но всѣ могли замѣтить, что онъ потерялъ гораздо больше въ вѣсѣ тѣла за эту недѣлю, чѣмъ кто либо изъ насъ, и никто не можетъ отрицать факта, что комитетъ сдѣлалъ оплошность или по нерадѣнію, или же по другой какой важной причинѣ, предлагая намъ джентльмена столь изнуреннаго и отощалаго...